

Пусть «Спящий паровозик» и прослыл откровенной дешёвкой, Чжоу Дафэй в своё время тоже внёс лепту в его кассовые сборы.

То был первый раз, когда Пэй Янь пробился в престижный новогодний прокат. Чжоу Дафэй тогда отчаянно пытался сбежать от семейного занудства прямо в первый день Нового года. Он пришёл в кинотеатр один и, как назло, среди зазывающих коммерческих афиш выбрал именно «Спящий паровозик» — картину, о рекламе которой почти ничего не слышал, а потому даже не догадывался, какое зрелище его ждёт.

Пэй Янь тогда числился в многообещающих новичках. На фоне новогодних гигантов его «Паровозик» выглядел скромно: сеансов выделили мало, отзывы после закрытых показов ещё не успели разлететься, а зрители в залах собирались в основном случайные — те, кому просто не досталось билетов на нормальное время на другие фильмы. Шли чисто из любопытства.

Но когда пошли финальные титры, в зале кто-то плакал, кто-то смеялся, а большинство просто сидели в изумлении. Кое-кто даже бросился к кассе за билетом на повторный сеанс.

Чжоу Дафэй ошалел настолько, что целый час мерил шагами улицы, подставляя лицо ледяному январскому ветру, прежде чем пришёл в себя.

«Спящий паровозик» ворвался в прокат тёмной лошадкой и произвёл эффект разорвавшейся бомбы в первый же день. Уже к третьему дню кинотеатры начали спешно добавлять сеансы, а заполняемость залов била все рекорды.

Конечно, критики замечали и дыры в сюжете, и художественные огрехи, но зрители всё равно шли валом, очарованные и неспособные оторваться.

Наблюдая за тем, как этот проходной фильм забирает корону кассового лидера, Чжоу Дафэй чувствовал искреннее раскаяние за потраченные деньги.

Знай он всё наперёд, лучше бы купил на эту сумму свиную рульку и скормил её бездомной собаке.

В домашнем кинозале Пэй Янь запустил проектор и выключил свет у стены.

— Насчёт недостатков «Спящего паровозика»... Уверен, ты без труда защитишь по ним целую диссертацию, — усмехнулся он.

—...

Чжоу Дафэй, сидевший на диване по-турецки, замер, так и не успев потянуть за кольцо жестяной банки с пивом.

— Поэтому сегодня наш поккадровый разбор пойдёт в ином ключе. Твоя задача — найти в этой картине плюсы. — Пэй Янь опустился на диван рядом с Чжоу Дафэем и закинул руку ему на плечо. — Сгодится всё что угодно. Главное, чтобы это было похвалой.

— Это проще простого, — Чжоу Дафэй со стуком поставил банку на журнальный столик. — У меня в телефоне до сих пор сохранён тот хвalebный отзыв, что я писал для твоей победы на Премии «Золотое перо». Достаточно просто поменять название фильма.

— Учитель, мы вообще-то договаривались, что разбор будешь вести ты.

Чжоу Дафэй незаметно придвинулся к нему чуть ближе.

Вступительные титры подходили к концу, и на экране плавно проступили крупные титры: «Режиссёр — Пэй Янь».

Уголки губ Пэй Яня дрогнули в улыбке, но истинное его отношение угадать было трудно.

Чжоу Дафэй вспомнил слова оператора Ян Тяня. Тот как-то обмолвился, что Пэй Янь и сам недолгоблювает «Спящий паровозик», да и снимался он по причинам, бесконечно далёким от чистого искусства.

— Идёт, — отозвался Пэй Янь лишь тогда, когда на экране зазвучали первые реплики героев. Взгляд его оставался бесстрастным. — Но учти, критерии у всех свои. Я могу лишь объяснить, почему решил снять ту или иную сцену именно так.

При всей своей скромной художественной ценности «Спящий паровозик» был на удивление крепко сбитым коммерческим продуктом. Ритм, раскадровка, монтаж, сведение звука — ни один элемент не выдавал неопытности создателя.

Прошло немало лет, но Пэй Янь ориентировался в собственной картине безупречно, помня логику каждого кадра и малейшие нюансы мизансцены.

Этот вечер вернул Чжоу Дафэя в студенческие годы. Иногда он за компанию с Чжао Умянем бегал на лекции филологического факультета, где заслушивался профессорами — блестяще эрудированными, но при этом живыми и ироничными. Они цеплялись за сухую тему программы лишь как за отправную точку, а затем пускались в свободное плавание, увлекая за собой аудиторию так, что пара пролетала в один миг.

Люди с подлинным талантом умудряются превращать даже отвлечённые рассуждения в чистое искусство. Чжоу Дафэй давно не встречал таких собеседников.

Пэй Янь подробно разбирал структуру каждого кадра: почему он был выстроен именно так, с какими техническими трудностями пришлось столкнуться на площадке, какой подтекст

вкладывался в картинку и какую роль эта деталь играла в общем полотне.

Чжоу Дафэй нащупал пульт и убавил звук. Сам фильм блёк на фоне трезвого, глубокого и профессионального комментария режиссёра.

— Время позднее, да и подготовиться я не успел, — выдохнул Пэй Янь, когда пошли титры, и в один глоток осушил стакан воды. — Рассказал то, что навскидку вспомнил. Вопросы есть?

На экране под меланхоличную заглавную песню медленно ползли имена создателей картины. Чжоу Дафэй молчал.

В душе он тихо и искренне сожалел. Ему отчаянно хотелось спросить, почему Пэй Янь вообще взялся за такой сценарий.

Это походило на попытку идеально сдать экзамен по тесту, где максимальный балл изначально ограничен тройкой. Как ни расшибись в лепёшку, выше головы не прыгнешь.

Чжоу Дафэй колебался, не зная, стоит ли озвучивать эту мысль.

В повисшей тишине полумрак кинозала показался почти осязаемым. Пэй Янь поставил пустой стакан.

— Что притих? Неужели мой гений лишил тебя дара речи?

—...

— Ты работал над каждым кадром с такой ювелирной точностью, — Чжоу Дафэй повернулся к нему. — Наверное, и подумать не мог, что найдётся зритель, способный с первого взгляда раскусить дешёвую суть этого шедевра?

Пэй Янь тихо рассмеялся, ничуть не обидевшись.

— Зреть в корень — полезный навык. Однако, если за внешней формой ты не видишь ничего, кроме этой пресловутой «сути», это уже ограниченность.

Он замолчал на секунду, а затем спросил:

— Ты когда-нибудь задумывался, чего на самом деле хотят зрители, продюсеры и рынок?

— Я не забиваю себе голову подобными глупостями, — отрезал Чжоу Дафэй.

— А следовало бы, — взгляд Пэй Яня стал жёстче. — Особенно сейчас, когда тебе катастрофически не хватает веса в индустрии.

— А сам-то? — парировал Чжоу Дафэй. — Ты ведь уже признанный мастер. Зачем тебе подстраиваться под эти правила?

Он сделал короткую паузу и добавил:

— Неужели ты просто до смерти боишься оступиться?

Пэй Янь едва заметно сжал челюсти.

— Равновесие между мечтой и реальностью — штука хрупкая, — заговорил он ровным, глуховатым голосом. — Чаще всего приходится выбирать что-то одно, иначе потеряешь и то и другое.

На экране продолжали ползти титры. Чжоу Дафэй мельком глянул на бегущие строчки — как раз показывали создателей заглавного саундтрека.

Пэй Янь тоже проследил за его взглядом. Он глубже откинулся на спинку дивана и заговорил с горькой усмешкой:

— Жизнь всегда подкидывает больше дерьма, чем ты рассчитываешь. С кино точно так же.

Он сделал глоток воздуха и продолжил:

— Помимо чисто творческих и технических задач, на режиссёра сыплется лавина сопутствующего хаоса. Знаешь, что далось мне тяжелее всего на «Спящем паровозике»? Ни раскадровки, ни изнурительного монтажа. Сложнее всего было выбить у Жэнь Юэ согласие на написание заглавной песни.

Он покачал головой.

— Не получи я это музыкальное оформление, фильм, скорее всего, даже не пробился бы в сетку новогодних показов.

Жэнь Юэ был величиной мирового масштаба, легендарным композитором. На заре карьеры, лет двадцать назад, он и сам выступал на сцене, но потом внезапно замолчал и полностью ушёл в тень, посвятив себя созданию чужих шедевров.

Его гонорары, вопреки всемирной славе, не были баснословными, но заполучить его партитуру

считалось невыполнимой миссией.

Жэнь Юэ работал исключительно по любви: писал только то, к чему лежала душа, и наотрез отказывался вносить правки под давлением заказчиков.

В силу сугубо личных причин Чжоу Дафэй питал к этому человеку искреннее уважение.

— Но ведь сейчас твоё положение в корне изменилось, — прямо заметил Чжоу Дафэй. — Разве тот же Жэнь Юэ не доказал, что можно найти идеальный компромисс между коммерцией и чистым творчеством?

Пэй Янь презрительно фыркнул. В его смешке сквозило откровенное пренебрежение.

— Мечты — дорогая игрушка. И если за них платишь не ты сам, значит, платит кто-то другой.

Он притянул Чжоу Дафэя ближе, обнимая за плечи.

— Жэнь Юэ может позволить себе роскошь творить без оглядки на рынок лишь потому, что у него за спиной стоит надёжная дойная корова. Ты ведь наверняка слышал песни Андреаса? Знаешь, что он с самого дебюта числится в студии Жэнь Юэ?

— Разумеется, — кивнул Чжоу Дафэй.

— Когда у тебя под боком суперзвезда, которая безраздельно царит на сцене последние двадцать лет и приносит миллионы, можно сколь угодно долго рассуждать о высоком искусстве. Тем более что Жэнь Юэ ни капли не боится потерять свой главный актив.

Пэй Янь, не стесняясь, перешёл на шёпот, делясь сочной закулисной сплетней:

— Угадай, что их связывает на самом деле?

Гадать Чжоу Дафэю не требовалось. Он молча посмотрел Пэй Яню в глаза. Заметив понимание на лице младшего, тот лишь заговорщически усмехнулся.

Чжоу Дафэй опустил голову на его плечо и задумчиво прикусил губу.

— Ты завидуешь ему?

— Кому?

— Жэнь Юэ.

— Тому, что он прячется за чужой спиной ради возможности мнить себя непризнанным гением? — Пэй Янь фыркнул. — Едва ли.

Чжоу Дафэй притих, погружаясь в собственные мысли.

Когда заглавный трек, написанный Жэнь Юэ и исполненный Андреасом, наконец стих, экран на мгновение погас, но затем вспыхнул вновь.

Чжоу Дафэй нахмурился и высвободился из объятий Пэй Яня.

— Там что-то ещё?

— Сцена после титров, — лениво отозвался тот, иронично прищурившись. — Ты, конечно же, выключил фильм сразу, как пошли буквы. Иначе давно бы признал меня.

—...

В те годы досмотреть саму ленту до финала уже было для Чжоу Дафэя сродни подвигу. Какая, к чёрту, сцена после титров?

В сцене после титров показывали нарезку рабочих моментов. Актёры на экране дурачились, смеялись и выглядели закадычными друзьями — бог весть, фальшиво или искренне.

Пэй Янь в кадре сохранял привычное мрачное выражение лица. Хмурясь, он сидел у монитора, но весь его облик выдавал недавнего выпускника — в нём ещё не было той лощёной, тяжёлой уверенности, что пришла с годами.

Чжоу Дафэй не удержался от шпильки:

— Выглядишь здесь куда свежее, чем сейчас.

—...

— Твоя правда, — Пэй Янь легко принял подачу и тут же нанёс ответный удар. — Когда я снимал этот фильм, я был всего на пару лет старше тебя нынешнего.

—...

Чжоу Дафэй проглотил обиду и резко поднялся с дивана.

— Ты куда? — Пэй Янь вскинул бровь.

— Вернусь в кабинет, надо закончить раскадровку, — бросил он на ходу. — Ложись без меня, не жди.

— А ну стоять, — Пэй Янь поймал его за запястье и бесцеремонно усадил обратно к себе на колени, крепко обхватив руками. — Время полночь.

Чжоу Дафэй не стал вырываться, но упрямо буркнул:

— Я не хочу спать.

— Завтра день рождения у дочери Ян Тяня, — Пэй Янь слегка сжал его ладонь. — Мы пойдём вместе, так что выспаться нужно обязательно.

— Его дочь?.. — Чжоу Дафэй удивлённо моргнул. — Зачем там я?

— Это будет скорее неформальная вечеринка для своих, — пояснил Пэй Янь. — Соберётся много народу из наших кругов.

Чжоу Дафэй ненадолго задумался.

— Тогда я поработаю над раскадровкой ровно полчаса.

Пэй Янь уже открыл было рот, чтобы возразить, но младший ловко перебил его:

— Иначе завтра никуда с тобой не пойду. Отправишься один.

Пэй Янь лишь молча покачал головой.

Когда сам Пэй Янь переписывал сценарии, корпел над монтажом или раскадровками, он регулярно засиживался до первых петухов.

Но видеть, как Чжоу Дафэй изводит себя работой без крайней на то необходимости, ему почему-то не хотелось.

В конце концов, он не планировал, подобно Жэнь Юэ, выращивать себе послушного домашнего питомца, который потом будет обеспечивать его старость.

Чжоу Дафэй устроился прямо у журнального столика, сосредоточенно выводя наброски. Грифель карандаша с тихим глухим шуршанием скользил по плотной бумаге.

Пэй Янь налил себе немного красного вина, время от времени делая маленькие глотки и поглядывая на запущенный в телефоне таймер.

«Двадцать пять минут и восемнадцать секунд... Семнадцать... Шестнадцать...»

Когда Чжоу Дафэй уходил в работу с головой, для него переставал существовать весь остальной мир. Он даже взгляда в сторону Пэй Яня не бросал.

Пэй Янь поймал себя на мысли, что Жэнь Юэ, возможно, действительно заслуживал зависти, но вовсе не из-за пресловутой творческой свободы.

В своё время, когда велись переговоры по поводу саундтрека, Пэй Янь пересекался с этой парочкой.

Жэнь Юэ буквально выпестовал Андреаса с его самого первого альбома, ведя за руку сквозь дебри шоу-бизнеса. Неудивительно, что певец до сих пор испытывал к наставнику колоссальную привязанность. Это чувство давно переросло рамки обычной любви: безупречное взаимопонимание в творчестве и абсолютное, почти детское послушание в жизни.

Тогда молодому Пэй Яню это казалось дикостью. Он презирал Жэнь Юэ за то, что тот фактически сидел на шее у любовника ради своих высоких идеалов, и посмеивался над Андреасом, не имеющим воли к самостоятельности. После той записи он больше с ними не связывался.

Эти убеждения казались ему незыблемыми — до тех пор, пока он сам не взялся всерьёз лепить из Чжоу Дафэя настоящего режиссёра, втайне надеясь получить от него хоть какую-то взаимность.

Примерив чужую шкуру на себя, Пэй Янь внезапно осознал, что в симбиозе композитора и его певца была своя глубокая логика. И, пожалуй, изрядная доля очарования.

Всё-таки Андреас был преданным учеником Жэнь Юэ, возвращённым его собственными руками. Их связь изначально строилась на фундаменте, недоступном обычным парам.

Будущий поп-идол подписал контракт, будучи первокурсником. Ему исполнилось всего восемнадцать.

Он был моложе, чем Чжоу Дафэй сейчас.

Пэй Янь сделал ещё один глоток, ощущая лёгкую горечь на языке. Его взгляд по-прежнему был прикован к склонившейся над столом фигуре.

Режиссёр мрачно размышлял о том, какая муха укусила Чжоу Дафэя в своё время, раз он упрямо нацелился на этот сухой, академический Университет А.

Почему он не выбрал профильный кинематографический вуз? Встретятся они на несколько лет раньше, у Пэй Яня было бы гораздо больше времени, чтобы вылепить из своего строптивого мальчишки идеального преемника.

А теперь... О покорности не шло и речи, да и до духовного родства им было как до луны.

Радовало лишь одно: в вопросах искусства Чжоу Дафэй его понимал. И понимал глубоко.

Возможно, сам парень отчаянно противился этой ментальной связи с ненавистным наставником, но поделать с собой ничего не мог.

Была ли это причуда судьбы или банальная математическая вероятность, сработавшая в их пользу, — значения не имело. Это стало неоспоримым фактом.

Ровно через полчаса Пэй Янь закрыл чужой альбом с набросками и буквально отконвоировал Чжоу Дафэя в спальню.

Укладываясь, Чжоу Дафэй поймал себя на мысли, что Пэй Янь сегодня ведёт себя как-то непривычно.

Его манеры казались слишком... человеческими. Возможно, воспоминания о дебютном фильме действительно разбудили в глубине души этого циника остатки искренности.

— Учитель, — негромко позвал Чжоу Дафэй в темноту. — Когда отпразднуем день рождения дочки оператора-постановщика Яна, мы сразу уезжаем в Чунцин?

Пэй Янь лениво промычал что-то утвердительное.

— Могу я... снова занять место рядом с тобой? — нерешительно спросил Чжоу Дафэй.

В тишине спальни, залитой бледным лунным светом, повисла пауза. Пэй Янь не спешил с ответом.

Чжоу Дафэй заерзал, почувствовав укол тревоги.

— Учитель, я...

— Сделай одолжение, постарайся поскорее закончить раскадровку для «Лимонной прохлады»,
— уклонился от прямого ответа Пэй Янь.

—...

— Ладно, — растерянно буркнул Чжоу Дафэй.

<http://bllate.org/book/19003/1960165>